

ГЕЙЛ ХАНИМЕН

ГЕЙЛ ХАНИМЕН

ЭЛЕАНОР
ОЛИФАНТ
В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х19

Gail Honeyman
ELEANOR OLIPHANT IS COMPLETELY FINE

Серия «Вкус к жизни»
Печатается с разрешения агентств
Madeleine Milburn и The Van Lear Agency
Перевод с английского *Виктора Липки*
Под редакцией *Валентины Люсиной*
Оформление обложки *Яны Паламарчук*
Дизайн обложки *Jaуа Miceli*

В оформлении обложки использована иллюстрация Twin Sisters
Используется по лицензии ООО «Галло Имиджес Рус» / Getty Images

Ханимен, Гейл.

Х19 Элеанор Олифант в полном порядке: [роман] / Гейл Ханимен ; [пер. с англ. В. Липки]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Вкус к жизни).

ISBN 978-5-17-104302-5

Элеанор Олифант в полном порядке: она работает бухгалтером, по выходным выпивает, а по средам беседует с мамочкой, которая находится далеко. Элеанор не везет: ее окружают непримечательные люди с примитивными вкусами и бедным словарным запасом (так ей, по крайней мере, кажется). Но все меняется, когда, отправившись однажды на концерт, она видит элегантно одетого рок-музыканта. Элеанор сразу понимает: это Он. Правда, пока она готовится к знаменательной встрече, ей приходится довольствоваться куда более скромной компанией.

Элеанор Олифант в полном порядке. Так она говорит окружающим. Вот только она старается не вспоминать о прошлом и спасается водкой от бессонницы.

Постепенно забавный рассказ о жизни социально неадаптированной женщины превращается в грустную, трогательную историю о детской травме, любви и одиночестве. В историю, которая никого не оставит равнодушным.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Gail Honeyman, 2017
© Липка В., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018
Cover illustration © Getty Images

ISBN 978-5-17-104302-5

Посвящается моей семье

...Одиночество характеризуется ярко выраженным стремлением человека побыстрее положить ему конец; этого нельзя достичь просто за счет силы воли или более частых появлений в людных местах, но только с помощью установления тесных межличностных связей. Это гораздо легче сказать, чем сделать, особенно тем, чье одиночество возникло из-за потери, или изгнания, или предубеждения, тем, у кого есть причина бояться или не доверять всему, что касается общества других.

...Чем более одиноким становится человек, тем сложнее ему ориентироваться в социальных потоках. Одиночество обволакивает его, будто плесень или мех, предотвращая любые контакты, как бы сильно человек их ни желал. Одиночество разрастается вглубь, вширь и стремится жить вечно. Стоит ему укрепиться, как избавиться от него становится очень нелегко.

Оливия Лэнг «Одиноким город»

**ХОРОШИЕ
ВРЕМЕНА**

1

КОГДА ОКРУЖАЮЩИЕ — например, водители такси или дантисты — спрашивают меня, чем я зарабатываю на жизнь, я отвечаю, что работаю в офисе. За девять лет никто еще не поинтересовался, в каком именно — или в чем конкретно заключается моя работа. Я не могу понять: то ли я для них выгляжу как типичный офисный сотрудник, то ли, услышав фразу «работаю в офисе», они додумывают все остальное: кто-то размножает документ на ксероксе, кто-то стучит по клавиатуре. Я не жалуясь. Я довольна, что мне не нужно пускаться в захватывающие хитросплетения объяснений, приемлемых для них. Когда я только начала работать в этом месте, в ответ на расспросы я говорила, что работаю в компании, занимающейся графическим дизайном. Но тогда меня принимали за творческую личность. Было немного утомительно смотреть, как вытягивались лица собеседников, когда я объясняла, что выполняю лишь второстепенные функции и никогда не пользуюсь ни остро заточенными карандашами, ни крутым программным обеспечением.

Сейчас мне почти тридцать, я работаю здесь с двадцати одного года. Боб, владелец фирмы, взял меня вскоре после ее открытия. Думаю, из жалости. Я получила диплом по классической филологии, у меня не было опыта работы, а на собеседование я явилась с синяком под глазом, парой выбитых зубов и сломанной рукой. Вполне возможно, Боб уже тогда предви-

дел, что я всегда буду довольствоваться плохо оплачиваемой должностью, никогда не претендуя ни на что большее и не доставляя ему хлопот по поиску замены. Возможно, он смог предугадать, что я никогда не возьму отпуск, чтобы провести медовый месяц, и не уйду в декрет. Не знаю.

У нас в офисе определенно двухуровневая система: творческие личности — кинозвезды, все остальные — массовка. Чтобы сказать, кто к какой категории относится, достаточно одного взгляда. На самом деле, в значительной степени это определяется зарплатой. Операционному отделу платят жалкие гроши, поэтому мы не можем позволить себе ни модных стрижек, ни задротских очков. Одежда, музыка, гаджеты — наши дизайнеры до жути хотят, чтобы их считали свободомыслящими уникалами с неповторимыми идеями, но при этом все они строго придерживаются одного стиля. Меня графический дизайн не интересует. Я занята в финансовом секторе и могла бы выписать счет-фактуру на что угодно: оружие, флунизтрапам или кокосы.

С понедельника по пятницу я приезжаю на работу в половине девятого утра. Час трачу на ланч. Раньше я сама делала себе сэндвичи, но у меня дома продукты всегда портились до того, как я успевала их доест, поэтому сейчас я беру что-нибудь на главной улице. В пятницу, в ознаменование удачного завершения рабочей недели, в обед я всегда устраиваю поход в «Маркс и Спенсер». Потом усаживаюсь в комнате отдыха с сэндвичем в руке, прочитываю газету от корки до корки и принимаюсь за кроссворды. Я покупаю «Дэйли Телеграф» — не потому, что она мне так уж нравится, а потому что в ней они лучше всего. Ни с кем не разговариваю: пока я успеваю купить

бизнес-ланч, дочитать газету и разгадать оба кроссворда, перерыв подходит к концу. Я возвращаюсь за свой стол и работаю до половины шестого. Поездка домой на автобусе занимает полчаса.

Слушая «Арчеров»*, готовлю ужин и съедаю его. Обычно это спагетти с соусом песто и салат — одна сковородка и одна тарелка. Мое детство было наполнено кулинарными противоречиями: в течение многих лет меня кормили то выловленными вручную морскими гребешками, то полуфабрикатом из трески.

После долгих размышлений о политических и социологических аспектах питания, я пришла к выводу, что еда меня совершенно не интересует. Я отдаю предпочтение дешевому корму, который можно легко и быстро добыть и приготовить, при этом обеспечивая организм всеми необходимыми для поддержания жизни нутриентами.

Вымыв посуду, я читаю книгу или смотрю телевизор, если там показывают какую-то передачу, которую в этот день порекомендовал «Телеграф». Обычно (ладно, всегда) разговариваю с мамочкой вечером по средам в течение пятнадцати минут или около того. Ближе к десяти ложусь в постель, полчаса читаю и выключаю свет. Засыпаю, как правило, без проблем.

По пятницам после работы я не сразу иду на автобусную остановку, а сначала направляюсь в супермаркет «Теско» за углом и покупаю пиццу «Маргарита», немного «Кьянти» и две большие бутылки водки «Глен'з». Когда прихожу домой, съедаю пиццу и выпиваю вино. Потом добавляю немного водки. В пятницу мне много не надо, лишь каких-то пару глотков.

* «Арчеры» — самая продолжительная радиопостановка за всю историю британского вещания. Насчитывает более 18 250 эпизодов.

Обычно в три часа ночи я просыпаюсь на диване и бреду в кровать. Оставшуюся водку выпиваю в течение выходных, растягивая на два дня так, чтобы не быть ни пьяной, ни трезвой. Время до понедельника тянется долго.

По телефону мне звонят редко — от его звука я подпрыгиваю, — чаще всего только для того, чтобы поинтересоваться, не всучили ли мне по ошибке страховку по выплате кредитов. Я шепчу им: «Я знаю, где вы живете», — и очень, очень аккуратно кладу трубку. Если не считать всякого рода работников, в последний год в моей квартире не было никого — я очень неохотно пускаю других представителей рода человеческого на порог, разве что им нужно снять показания счетчика. Думаете, так быть не может, да? И все же это правда. Я же ведь существую, не так ли? Хотя порой мне действительно кажется, будто меня нет, будто я лишь плод собственного воображения. Временами связь с землей ощущается настолько слабо, что нити, соединяющие меня с этой планетой, становятся тонкими, как паутина. Мощный порыв ветра мог бы сорвать меня, я взмыла бы в воздух и улетела, словно былинка одуванчика.

С понедельника по пятницу эти узы немного крепчают. В офис без конца звонят клиенты, чтобы обсудить очередной кредитный лимит, и присылают электронные письма с подробностями контрактов и смет. Если я не приду, коллеги — Джейни, Лоретта, Бернадетта и Билли — сразу это заметят. Через несколько дней (я часто задавалась вопросом, через сколько именно) они забеспокоятся, почему я не позвонила и не сообщила, что заболела (это на меня непохоже), а потом откопают в базе данных сотрудников мой домашний адрес. Думаю, в конечном итоге они обратятся в полицию, правда? И что же, полицейские выломают входную дверь? Обнаружат меня и

прикроют лица, задыхаясь от вони? В офисе это даст пищу для разговоров. Они меня ненавидят, но моей смерти все же не желают. Я, по крайней мере, думаю так.

Вчера я ходила к врачу. Кажется, что с тех пор прошла целая вечность. На этот раз мне достался доктор помоложе — бледный и рыжеволосый малый, — чем я была весьма довольна. Чем они моложе, тем свежее их знания и навыки, и это всегда преимущество. Ненавижу попадать к доктору Уилсон. Ей около шестидесяти, и мне трудно себе представить, что она что-то знает о новых лекарствах и открытиях в медицине. Она и с компьютером-то с трудом управляется.

Доктор, как они обычно это делают, разговаривал со мной, но при этом смотрел на экран, читая историю болезни и все яростнее тыча в клавишу ввода по мере продвижения вперед.

— Чем могу быть полезен, мисс Олифант?

— У меня болит спина, доктор, — сказала я, — я очень мучаюсь.

Он по-прежнему на меня не смотрел.

— Как давно у вас боли?

— Пару недель.

Он кивнул.

— Я думаю, я знаю, в чем причина, — сказала я, — но мне хотелось бы услышать ваше мнение.

Он наконец перестал читать и скользнул по мне взглядом.

— Что же, по-вашему, вызывает у вас боли в спине, мисс Олифант?

— Думаю, доктор, это груди, — сказала я.

— Грудь?